

УДК 821.161.1.09

А. А. ГрачеваРоссийский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
ansangracheva@gmail.com**ДВА ИЗВОДА РОМАНТИЧЕСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА
(«СТРАННИК» А. Ф. ВЕЛЬТМАНА
И «РУССКИЕ НОЧИ» В. Ф. ОДОЕВСКОГО)**

В статье произведения А. Ф. Вельтмана «Странник» и В. Ф. Одоевского «Русские ночи» рассматриваются как основанные на романтическом универсализме. Романтический универсализм – это лежащая в философской и эстетической основах романтизма категория, означающая способность поэта постигать мир в его целостности и многообразии. Оба произведения подчиняются энциклопедическому принципу, то есть совмещают в себе поэзию и науку. Однако для Одоевского задача универсального произведения состоит в диалоге идей, а для Вельтмана – в самой возможности творчества.

Ключевые слова: А. Ф. Вельтман, В. Ф. Одоевский, романтизм, романтический универсализм, энциклопедизм, мысль, идея, творчество.

A. A. Grachyova Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg
ansangracheva@gmail.com**TWO RECENSION OF ROMANTIC UNIVERSALISM
(ALEXANDER VELTMAN'S «THE WANDERER»
AND VLADIMIR ODOYEVSKY'S «THE RUSSIAN NIGHTS»)**

The article deals with Alexander Veltman's «The Wanderer» and Vladimir Odoevsky's «The Russian Nights» treated as both based on romantic universalism. Romantic universalism is a philosophical and aesthetical category which underlies romanticism. It denotes the ability of a poet to comprehend the world in its entirety and diversity. Each work follows the encyclopedic principle, i. e. combines in itself poetry and science. However, for Odoevsky, the purpose of the universal oeuvre is to show the dialogue of the ideas, while for Alexander Veltman, it is in the creative possibility itself.

Keywords: Alexander Veltman, Vladimir Odoevsky, romanticism, romantic universalism, encyclopedic principle, thought, idea, creative work.

В русской романтической литературе есть два произведения, на первый взгляд совершенно не похожие одно на другое, но подчиненные общей философско-эстетической идее. Это «Странник» А. Ф. Вельтмана и «Русские ночи» В. Ф. Одоевского. Разделенные десятилетней дистанцией, они воплощают два извода романтического универсализма – категории, ставшей ключевой в творчестве этих писателей.

Ф. Шлегель трактовал романтический универсализм как способность поэта постигать мир в его целостности и многообразии, предполагающую взгляд на предмет одновременно с множества точек зрения. Романтики стремились сблизить разнообразие сфер – поэзии, религии, истории, политики. На пути к созданию универсального произведения, которое вмещало бы «весь мир», писатели-романтики претворяли жанровые каноны в соответствии со своей творческой задачей.

Идеи немецких романтиков были восприняты «любомудрами», в частности, В. Ф. Одоевским. Он задумывал «Русские ночи» как своеобразный свод всех философских систем, призванный дать ответ на главный вопрос – о «задаче человеческой жизни» (9, 191), о судьбах человечества и «о роли современного поколения во всемирной истории» (7, 164). В. Гиппиус писал, что «автор “Русских ночей” замышляет то, о чем все романтики мечтали под именем универсального романа: поставив в центре одного героя или одно положение, собирать вокруг него как можно больше явлений, связывать эти явления одно с другим и медленно доходить до смысла этой связи – до смысла мира» (7, 165).

В основе «Русских ночей» лежит идея всеобщего единства. Шеллинг, а затем Новалис, совмещавшие естественные науки, историю, философию и эстетику в единую систему, создали

символично-поэтический взгляд на природу и человека. В концепции «магического идеализма» Новалиса предполагалось взаимовлияние поэта и универсума. Поэтическое слово воссоздавало его целостность (6, 379). Кроме того, при такой могущественной позиции поэта романтический универсализм обретал субъективную, индивидуальную тональность.

По мнению Одоевского, художественное целое не может возникнуть из простого подражания природе: «Подражая природе или описывая ее, вы будете описывать какие-то раздробленные члены, будете описывать лишь занавеску, а не то, что за нею делается, но никогда не перенесете в свое произведение того, что составляет главное свойство природы: целостность, полноту» (10, 290). Попытка постичь «целое» природы не может реализоваться силами языка и мысли: необходимо интуитивное постижение символических связей предметов.

Шеллингянцы «наметили некоторые черты отношения поэтического единства к действительности», что «свидетельствовало в наибольшей степени о своеобразном понимании на русской почве категории универсальности, сохранявшей многие особенности просветительского энциклопедизма» (6, 381). Истинное познание стремится охватить предмет (будь оно направлено на себя или на внешний мир) в целокупности. Искусство несет эту познавательную функцию: «Если каждое произведение изящных искусств изображает собою мысль или понятие, то что представят нам все произведения вместе взятые, подведенные умственно под одну точку зрения? Особый мир, мир понятий и мыслей, обращенных в предметы» (10, 365). Философская и научная природа художественного целого превращала его в своего рода интеллектуальный дневник. Таковы «Русские ночи» Одоевского – книга, в которой осуществляется попытка отразить все существующие идеи и мысли.

«Странник» А. Ф. Вельтмана также задуман автором как универсальное произведение. Оно одновременно является справочником по актуальным знаниям своего времени, от физики до географии, но он же включает в себя и максимально широкий диапазон литературных жанров – из отечественного контекста близко к нему стоит альманах пушкинской поры. В нем на равных правах сосуществуют фрагменты путешествий карамзинского типа и подражания речи древних ораторов, романтическая поэма, написанная ритмизированной прозой, и камерная альбомная лирика, драматический фрагмент и стихотворные «предсказания в духе Нострадамуса», отрывки военных репортажей с описанием похода и этнографические зарисовки, баллады, элегии, мадригалы, эротическая лирика и восточные стихи; эпос, лирика и драма (вставные драматические отрывки, «Эскандер» и диалог Овидия с императором Августом). Систематизация объектов и явлений, приводящая к созданию своеобразных «энциклопедий» – одно из важнейших свойств романтического универсализма.

По мнению Б. Я. Бухштаба, в «Страннике» такая «окрошка стилей и жанров придает пародийную окраску каждому из них» (1, 31). Но у Вельтмана в подобном совмещении заключен не только пародийный смысл – это тот калейдоскоп, из которого, по мнению романтиков, и состоит окружающий мир. В каждом из упомянутых вставных текстов встречается отдельная точка зрения, и в совокупности введенные фрагменты отвечают общей задаче создания универсальной картины мира – с одной стороны, размывая рамки произведения на разных уровнях (перцептивном, идеологическом, временном, пространственном и языковом), с другой, иронически переосмысливая саму возможность подобного расширения.

Романтический универсализм «Странника» берет начало и в просветительском энциклопедизме («новый энциклопедический синтез» (2, 393), достичь которого стремились романтики, выстраивая мир по законам «своего» слова), отсюда в произведении такое обилие исторического, лингвистического, географического, мифологического, этнографического и прочего материалов.

Попытка найти всю вселенную в самом себе дает возможность герою-повествователю, встав в центр произведения, рассматривать весь мир относительно себя. Создаваемый ав-

тором эффект ненадежного повествования, нарушающего границы реальности и вымысла, делает «Странник» моделью многогранного, многоликого мира, находящегося внутри одного человека.

Постоянное взаимодействие фактов, знакомых образованному читателю-современнику, и необычного их осмысления с приращением доли поэтического вымысла в «Страннике» осложняется частой сменой планов и тем, обилием цитат, нанизыванием фамилий и синонимическими рядами. Калейдоскоп знаний, развернутый в первом крупном опыте писателя, демонстрирует богатство мира внешнего и мира внутреннего, это попытка создания художественного целого из крупиц бытия, попытка познать себя: «вселенная внутри нас... Именно туда ведет таинственный путь. В нас самих или нигде заключается вечность с ее мирами, прошлое и будущее» (8, 71).

В «Русских ночах» самоанализ представлен как путешествие в «чудную, роскошную страну – в свою душу» (9, 64). Фауст пользуется метафорой «жизнь – книга»: каждый читает свою, а потому понимает свое. Таким образом получается клубок метафор, где анализ, чтение, путешествие и собственно жизнь оказываются уподобленными друг другу.

Своих героев Одоевский называет «духоиспытателями». Они не объединены единой идеей: каждый из говорящих воплощает определенный тип мышления. Однако приоритета писатель не отдает ни одному из них. Одоевский утверждает, что задача – поиск истины (где истина – это тайна, «стихия человеческой жизни») – не может быть решена рациональным путем, то есть перебором, поиском и окончательным принятием единственной идеи.

В «Русских ночах» (глава «Город без имени») создается картина общества, реализовавшего погибельный путь поклонения одной захватившей всех идее. Фауст высказывает мысль о том, что подобная эпоха необходимо должна была наступить, если бы «благое провидение» не лишило людей способности полностью приводить свои мысли в исполнение «...и если бы для счастья самого человечества каждая мысль не была останавливаема в своем развитии другою – ложною или истинною, все равно, – но которая, как поплавок, мешает крючку (при помощи которого кто-то забавляется над нами) погрузиться на дно и поднять всю тину» (9, 72).

Задача жизни заключается в процессе поиска, смены мыслей, без фиксации на единственной идее (что неизбежно должно исказить понимание предмета).

Мысль у Одоевского понимается в значении «идеи», то есть порождения разума. Это не творческая интенция, открывшаяся художнику свыше, а результат интеллектуальной деятельности, ищущей и не находящей адекватного воплощения в слове. Об этом неоднократно говорится на страницах «Русских ночей»: «...поставьте простолоудина перед выражением мысли мудрейшего из смертных: тот же язык, те же слова, – а низший обвинит высшего в безумии! И после этого мы еще верим нашим выражениям, мы не боимся предавать им своих мыслей? И мы осмеливаемся думать, что смешение языков прекратилось?» (9, 24).

Одоевский ставит перед собой философскую задачу поиска истины, тайны человеческой жизни – смена мыслей и идей призвана пролить свет на эту загадку. Процесс смены мыслей в произведениях Вельтмана служит иной цели – он позволяет воплощаться фантазии, а в целом – творить художнику.

В наброске «О фантазии» Вельтман пишет, что фантазия – это «изображение мира отвлеченного», который связан с «миром вещественным» через зрение и слух (3). Когда чувства пришли «в возвышенный восторг», тогда в «мир отвлеченный» переселяется «мысль». «Мир вещественный» и «мир отвлеченный» равно существуют (а не являются один реальным, другой – «вымышленным»). Проникновение в этот таинственный и волшебный мир – задача художника, непосильная для человека, живущего исключительно рациональным. В первую очередь, мысль – это творческая интенция, проявление фантазии, которая позволяет человеку стать творцом целого мира.

«Странник» – книга о воображении, о путешествии мысли. Творчество позволяет с помощью мысли приблизиться к истине, ведь мысль – это проявление фантазии, которая даёт возможность человеку стать творцом целого мира. Из фиксации собственных мыслей состоит основной нарратив «Странника», да и само «путешествие» происходит посредством мысли. Для Вельтмана мысль как объект изображения обретает особое значение.

В «Страннике» два плана выражения мысли: сакральный, совмещающий в себе все «высокие» значения мысли, и профанный, бытовой, где мысль выполняет более «земные» функции, обслуживая психологические переживания героя: переносит его в воображении с места на место, воскрешает в нем воспоминания минувших радостей, заставляет его переключиться от рассуждений о данном «обете» к рассуждениям об «обеде». Идея высокого предназначения мысли и фантазии Вельтмана вторит философским идеям немецких романтиков (в особенности Новалиса), для которых сверхчувственное, бесконечное, абсолютное относилось к области высокого. Сама же идея слиянности земного и небесного пришла из йенского романтизма: «Йенские романтики – мистики. Но мистическое чувство присутствия бесконечного в конечном связано у них с любовью ко всему конечному, земному. В непосредственном чувстве раннего романтизма земное и божественное слиты, все земное – только чувственное выражение божественного <...>» (5, 9).

Но кроме такого понимания мысли, основанного на философско-религиозных и мистических учениях, в «Страннике» присутствует и другой план. Это иронические рассуждения, фиксирующие процесс внутренних размышлений. Его перенесение из мира вещественного в мир отвлеченный реализуется буквально: при помощи фантазии Странник Александр отправляется в путешествие из собственной квартиры «по настоящему и прошедшему, по видимому и незримому, по близкому и отдаленному, по миру физическому и миру нравственному, по чувствам и чувственности и, наконец, по всему, что можно объехать сухим путем, морем и воображением, исключая только то, что и конем не объедешь» (4, 51). Герой-повествователь с помощью воображения материализует обозначения лежащей перед ним географической карты, «домысливает, облекает в конкретно-чувственную форму некую абстракцию» (11, 100). Его воображение создает целый мир.

Но духовные искания Странника уникальны только в том смысле, в котором уникален каждый человек. Повествователь затрагивает важные философские проблемы: вопросы о сотворении мира, о добре и зле, о стремлении к гармонии и недостижимости ее на земле, о значении искусства, о Боге, о мудрости и невежестве, о попытках разгадать тайну мироздания. Так личное выходит на универсальный уровень осмысления общечеловеческих проблем. Повествователь утверждает: «Каждый человек полон видимого или скрытого совершенства к действию, ему предназначенному» (4, 65).

Приглашая читателя вступить в предлагаемое коммуникативное поле, в котором «болтовня» является основной дискурсивной практикой, Вельтман намеренно затемняет излагаемые сведения, погружая читателя в череду фактов и цитат, заставляя пробираться через нанизывания фамилий и синонимические ряды. Поэтому огромный охват разнопланового материала в «Страннике» не призван «научить» читателя. Скорее, это затрудняет чтение и «отсеивает» неромантически настроенного читателя, не готового стать «сообщником» автора. Калейдоскоп знаний, развернутый в первом крупном опыте писателя, демонстрирует богатство мира внешнего и мира внутреннего, это попытка создания художественного целого из крупиц бытия, попытка познать себя.

Итак, содержательно универсализм Вельтмана близок установкам ранних немецких романтиков, идеям Новалиса о «вселенной внутри нас» и о человеке как микрокосме. Мысль художника-творца скрепляет рассыпающееся на «разноцветные камушки» воображения здание «Странника».

Идея всеобщего единства определяет не только мировоззренческий план «Русских ночей», но и их структуру. Одоевский в своем произведении пытается преодолеть кризис философской эстетики начала 1830-х годов, конфликт идей и концепций. Однако в «книге сомнений» повествователь констатирует невозможность нахождения единственной истины. Своим произведением, в котором «мысль сталкивается одна с другой», автор показывает, каким образом мир может сохранить целостность, не впасть в бездну абсолютизации одной идеи.

Нужно отметить, что универсализм принимал на русской почве и другие изводы. Разнородные повести А. А. Бестужева-Марлинского, которым исследователи давали различные «тематические» жанровые определения (исторические, или «ливонские» повести, «кавказские повести», светские, «морские», «фантастические» повести с «кладбищенским» колоритом), выстраиваются в некое единство и могут пониматься как свой путь к романтическому универсуму. Попытка охватить все сферы действительности и отразить их во множестве разновидностей жанра повести говорит о стремлении А. А. Бестужева к поиску универсального ключа, позволяющего синтезировать разнообразный материал: историческую, социальную проблематику, вопрос о художнике и обществе.

Литература

1. *Бухштаб Б.* Первые романы Вельтмана // Бухштаб Б. Фет и другие: избранные работы. СПб., 2000.
2. *Вайнштейн О. Б.* Индивидуальный стиль в романтической поэтике // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994.
3. *Вельтман А. Ф.* О фантазии // НИОР РГБ. Ф. 47. Р. I. К. 22. Ед. хр. 1. Л. 9.
4. *Вельтман А. Ф.* Странник. Л., 1977.
5. *Жирмунский В.* Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. М., 1919.
6. *Киселев В. С.* «Органический» метатекст эпохи романтизма // Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVII – первой трети XIX века. Томск, 2006.
7. *Мани Ю. В.* Русская философская эстетика. М., 1998.
8. *Новалис.* Фрагменты // Зарубежная литература XIX века. Романтизм. М., 1990.
9. *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. – Л., 1975.
10. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: в 2 т. Т. 2. М., 1974.
11. *Юхнова И. С.* Мысль как объект изображения в русской прозе // Проблема общения и поэтика диалога в прозе М. Ю. Лермонтова. Нижний Новгород, 2011.